

Глава 9. Политическая организация иранских номадов в древности

Вдовченков Е. В.

Вводные замечания

Феномен древнего номадизма во многом связан с иранским культурным миром. Пространство евразийских степей в древности было преимущественно иранским, о чем свидетельствуют данные языкознания и письменных источников. История иранских номадов на протяжении долгого, практически двухтысячелетнего периода, от поздней бронзы до раннего Средневековья, может быть восстановлена по материалам археологии и письменных источников. Перед нами предстает долгая и величественная картина развития и упадка многих политий и этнокультурных объединений. Под влиянием новых нашествий мигрантов, как правило, с востока, степные общества менялись. Дискретный характер развития номадов, циклический характер развития их обществ приводил к тому, что политогенез всякий раз происходил заново, хотя и порождая разные политии с разными этнокультурными, политическими и социальными характеристиками.

Говоря об иранском мире, речь идет о сравнении, в первую очередь, скифов и сарматов. Хорошо известные по письменным и археологическим источникам, обитающие в сходных природно-климатических условиях, они представляют собой интересный предмет для сравнительного анализа. Конечно, можно отметить разницу в информативности наших источников. В то время как для скифов у нас есть логос Геродота, IV книга его «Истории», для сарматов у нас короткие сообщения довольно разнородных источников.

Есть еще одна проблема в исследовании скифов и сарматов. Общество скифов не едино, а распадается на три разных общности, между которыми есть существенные этнокультурные отличия. Это скифы VII–VI вв. до н. э., V–IV вв. до н. э., и поздние скифы. Между разными сарматскими группировками различия еще более существенны, и связаны с чередой миграций. Поэтому понятия «скифы» и «сарматы» обладают известной долей условности.

Реконструкция и сопоставление социопотестарной организации скифов и сарматов требует двух этапов: сравнение культур этих общностей, а затем – сравнение социальной и политической организации. Для лучшего понимания следует обратить внимание на культурные универсалии у иранских кочевников (проявляющиеся в погребальном обряде, предметах материального мира, религиозных концептах и т. п.), и на культурную специфику разных групп номадов (анализ элитарной субкультуры, звериного стиля, погребального обряда, сакральных представлений, масштаб погребальных сооружений). Здесь особенно важно вспомнить огромные курганы царских скифов и гораздо более скромные погребения сарматской эпохи. Но разница между ними может быть следствием не только разных масштабов их политий (по традиционным представлениям со-

циум скифов представляется более развитым), но и тем, что исторически масштаб царских погребальных сооружений со временем уменьшается.

При исследовании потестарной организации особую роль следует уделять особенностям взаимодействия каждой из кочевых группировок с оседлым и кочевым миром. В эпоху раннего железного века можно выделить ключевые политические центры степной зоны. Концентрация элитных, так называемых царских, некрополей, активизация военной деятельности позволяют определить регионы, где предполагается существование самых мощных политий иранцев. Для VII-VI вв. таким центром был Северный Кавказ; в V-IV вв. до н.э. – степное Поднепровье. Другой мощный центр маркируется курганами Филипповки в Южном Приуралье. II-I вв. до н. э. – это Крымская Скифия и Прикубанье, I-III вв. н. э. – Нижнее Подонье.

Вопрос о конкретных формах потестарности у скифов и сарматов (племена, вожества, кочевая империя, раннее государство) требует обстоятельного и детального исследования, как, впрочем, и роль иранцев в других политиях – империи гуннов, Хазарском каганате, Боспоре.

Еще один вариант сопоставления сарматских и скифских обществ – использование методики Дж. Мердока для анализа уровня сложности при помощи формальных кросс-культурных технологий по 10 наиболее важным критериям. Существующие примеры использования этой методики (Вдовченков 2015) требуют дальнейшего развития.

Актуален и своевременен при анализе потестарной организации кочевых обществ еще один вопрос – о форме потестарной организации кочевых обществ при их оседании. Самые интересные примеры – это Крымская Скифия и Предкавказская Алания. В свете последних исследований значительный интерес вызывает феномен аланской культуры Предкавказья и стоящих за ней обществ, чье непрерывное развитие со II в. н. э. по эпоху развитого средневековья показывает нам пример встраивания и адаптации иранских кочевых обществ к новым для них условиям полукочевой и оседлой жизни, а также дальнейшей эволюции новых социопотестарных образований (работы В. Ю. Малашева и Д. С. Коробова).

Все указанные проблемы будут в той или иной степени затронуты в главе.

1. Иранский мир степей

Феномен древнего кочевничества с момента своего появления во многом связан с иранским культурным миром. Пространство евразийских степей в древности было преимущественно иранским, о чем свидетельствуют данные языковедения и письменных источников. История иранских кочевых обществ на протяжении долгого, практически двухтысячелетнего периода, от поздней бронзы до раннего средневековья, может быть восстановлена по материалам археологии и письменных источников. Перед нами предстает долгая и величественная картина развития и упадка многих политий и этнокультурных объединений.

Характер наших источников – письменных, археологических и лингвистических – предполагает гипотетичность наших реконструкций. Полная картина не может быть сконструирована. Относительность наших знаний об обществах, не обладающих своей письменностью, и обитающих на периферии античной ци-

визации, может быть преодолена за счет аккуратного использования данных в первую очередь археологии, успехи которой позволяют нам увидеть культурное развитие степных сообществ, и вслед за этим проводить социальные и иные реконструкции.

Говоря об иранском мире степной зоны, речь идет о сравнении, в первую очередь, скифов и сарматов. Хорошо известные по письменным и археологическим источникам, обитающие в сходных природно-климатических условиях, они представляют собой интересный предмет для сопоставления. Эти названия – «скифы» и «сарматы», известные по сообщениям античных авторов, представляют собой не два четко разделенных общества, а скорее две эпохи – скифскую и сарматскую, в которые существовали разные группировки ираноязычных номадов, и между ними прослеживаются весьма существенные различия.

Общество скифов не едино, их историю можно разделить на три периода, для каждого из которых есть свои особенности, и между которыми есть существенные этнокультурные отличия. Это скифы VII–VI вв. до н. э., V – начало III в. до н. э., и поздние скифы. Между разными сарматскими группировками различия еще более существенны, и связаны с чередой миграций. Поэтому понятия «скифы» и «сарматы» обладают известной долей условности.

Политическая организация иранских кочевников в древности современными исследователями рассматривалась довольно редко. Особое внимание уделялось скифам. Здесь сказано несколько обстоятельств. Территория, заселенная скифами, в связи с хозяйственным освоением этих территорий значительно лучше исследована (территория степной зоны Украины, Молдавия, Подонье). Степи Поволжья и Приуралья исследованы хуже. Конечно, можно отметить разницу в информативности наших источников. В то время как для скифов у нас есть логос Геродота, IV книга его «Истории», для сарматов у нас короткие сообщения довольно разнородных источников. Вообще скифы были теснее связаны с античным миром, чем сарматы. Скифы вызвали больший интерес у греков, и с ними связаны весьма любопытные сообщения (Псевдо-Гиппократ, Лукиан и др.)

История изучения проблемы политической организации ранних номадов уже неоднократно рассматривалась (Хазанов 1975; Гутнов 2001; Васютин, Дашковский 2009: 60–77; Петров 2016 и др.). К числу фундаментальных работ по проблеме политической организации ираноязычных номадов древности относится монография А. М. Хазанова (1975), в которой он использовал данные по всему массиву евразийских степей древности, привлекая и средневековые материалы. Он писал о социальной истории скифов, но широко привлекал также данные по сарматам.

В советское время значительное внимание уделялось формационной характеристике кочевых обществ (рабовладельческое, феодальное или поздняя стадия первобытнообщинного общества). В настоящее время нет необходимости загонять какое-то бы ни было общество в прокрустово ложе жестких схем, и исследователи отказались от характеристики общества номадов как феодального или рабовладельческого. Серьезный кризис, который испытывает марксистский подход в номадологических исследованиях, заставляет специалистов обращаться

к неэволюционистским построениям и другим подходам. Разница между марксизмом и неэволюционизмом иногда стирается. И те, и другие могут использовать одни и те же понятия, и далеко не всегда историки и археологи акцентируют свое внимание на методологических отличиях.

Проблема изучения политической организации ранних номадов еще далеко не решена, но масштабные исследования и успехи социальной археологии позволяют ставить и решать вопросы политических и социальных реконструкций.

Важнейшая особенность в развитии номадов – это дискретность, связанная с регулярными волнами миграций. Эти миграции, которые приводят к политическим и этнокультурным трансформациям степного пространства. Мы можем судить об этих миграциях на основании культурных изменений в погребальном обряде, смены антропологического типа, сообщений античных авторов, фиксирующих появление новых этнонимов. Разрывы в развитии археологических культур, смены памятников и типов погребальной обрядности объясняются чаще всего миграциями.

Каждая новая миграция приводила к политическим изменениям – как правило, новая орда одерживала верх над прежними властителями степей. Вслед за этим шел процесс этнической миксации и ассимиляции. В результате смешения местного и пришлого населения появлялась новая культура. Регулярные миграции приводили к прерыванию развития прежних политий. Кочевники заново выстраивали свою иерархию, потестарные отношения, систему культурных и экономических связей. Каждое объединение имело весьма небольшой промежуток времени для развития, и с новым вторжением все начиналось сначала. Под влиянием новых нашествий мигрантов, как правило, с востока, степные общества менялись. Дискретный характер развития номадов, циклический характер развития их обществ приводил к тому, что политогенез всякий раз происходил заново, хотя и порождая разные политии с разными этнокультурными, политическими и социальными характеристиками.

Так, скифская эпоха в Северном Причерноморье (VII–III вв. до н. э.) может быть разделена на две части. В конце 1980-х гг. была выдвинута гипотеза о появлении нового населения в Скифии – миграции последней трети VI в. То есть Геродотова Скифия, или Скифия классического периода создана новой волной номадов с востока (Виноградов, Марченко 1991; Алексеев 2003; Гречко 2012). Исследователи при этом опираются на данные археологических исследований, которые позволяют говорить о двух скифских культурах, при этом смешанных памятников двух культур А. Ю. Алексеев в степной зоне не находит (Алексеев 2003: 182). С.А. Яценко, исходя из анализа скифских костюмов, поддержал этот вывод (Яценко 2006: 306–307). Следует также, конечно, отметить, что письменная традиция не заметила этих перемен (Алексеев 2003: 187–189).

В полной мере вышесказанное относится и к сарматам. Сарматскую эпоху делят на три части по археологическим культурам – раннесарматскую, среднесарматскую и позднесарматскую. Смены культур происходили в первую оче-

редь благодаря миграциям. Каждые 100–150 лет новые волны номадов с востока приводили к смене власти и культуры Сарматии.

В реальности за этими культурами стоят пять волн миграций и пять разных сарматских эпох: первый этап раннесарматской культуры (IV–III вв. до н. э.); второй этап раннесарматской культуры (II–I вв. до н. э.); среднесарматская культура (I – середина II вв. н. э.); первый этап позднесарматской культуры (середина II – середина III вв. до н. э.); второй этап позднесарматской культуры (середина III – IV вв. н. э.). Гуннское нашествие и эпоха Великого переселения народов положили конец господству ираноязычных кочевников в западной части евразийских степей.

2. Археологические реконструкции политических структур

Потестарные структуры и отношения скифов и сарматов могут быть реконструированы на базе анализа ряда источников – в первую очередь письменных и археологических. Письменные источники по истории сарматов отличаются фрагментарным характером, дают весьма отрывочные и случайные сведения, поэтому исследователи неизбежно выходят на проблему интерпретации археологических данных.

С. А. Васютин обозначает следующие признаки развитой политической и социальной организации по археологическим данным: 1) фиксация в археологических культурах раннего железного века элитных, дружинных и других погребений, отражающих стратифицированный характер обществ; 2) выделение из состава элитных курганов погребально-поминальных памятников, размеры и богатство инвентаря которых подчеркивают верховный характер власти погребенных в них людей (Аржан, Пазырык, Огуз, Чертомлык, Иссык, Ульский курган и др.); 3) наличие среди инвентаря «царских» захоронений предметов, указывающих на культовую роль; 4) концентрация в определенном районе элитных погребальных комплексов (скифский «Геррос»); 5) сосредоточение на близлежащей территории или в рамках одного могильника элитных захоронений одной культуры, близких по конструктивным особенностям и инвентарному комплексу, что позволяет предполагать преемственность власти; 6) реконструкция по материалам погребальных памятников родоплеменной структуры с локальными центрами власти; 7) отмеченное по археологическим материалам существование зависимых племен; 8) наличие поселенческих комплексов; 9) свидетельства участия носителей той или иной кочевой культуры в дальних массовых походах; 10) подтверждаемая артефактами информация письменных источников о захвате кочевниками территорий с оседлым населением и создании на завоеванных землях этнополитических объединений (Васютин 2003: 73–74).

Для выявления центров власти необходимо выделить погребения вождей, военных предводителей и знати. Для этого используют следующие критерии – богатство, статус, используемые при сооружении погребения трудозатраты. Богатство может быть определено по наличию золотых и серебряных изделий, импортов (особое значение имеет металлическая и стеклянная посуда), количеству погребального инвентаря. Статус определяется по некоторым предметам – ору-

жию, роскошным диадемам, поясам, браслетам, исполненным из золота и драгоценных камней.

Элитные комплексы с обилием импортов принадлежат аристократии и говорят о возможных политических центрах. Для скифов классической эпохи район концентрации элитных погребений – Поднепровье. Яркий пример – это низовья Дона, где в первых веках располагались самые богатые памятники сарматской культуры. Для раннесарматского времени местом концентрации богатых погребений было Прикубанье.

Популярный критерий при определении погребений элиты – трудозатраты. Важно отметить разницу в масштабе погребальных сооружений между скифской и сарматской эпохами. Здесь особенно важно отметить большие курганы царских скифов и гораздо более скромные погребения сарматской эпохи. В скифскую эпоху в Северном Причерноморье сооружаются огромные курганы, из которых пять выделяются своими размерами (Алексеев 2003: 228; Болтрик 2013). Они входят в первую группу из четырех, выделенных Б. Н. Мозолевским среди скифских аристократических и царских захоронений (Мозолевский 1979: 156–164). Но очевидная разница между размерами погребальных сооружений может быть следствием не только разных масштабов их политий (по традиционным представлениям социум скифов представляется более развитым), но и тем, что исторически масштаб элитных погребальных сооружений со временем уменьшается, возможно, в связи с регулярными ограблениями больших курганов.

Принято считать, что на протяжении раннего железного века значимость этого критерия как социального маркера понижается. Огромные царские курганы, как у скифов, в сарматское время не фиксируются. Поэтому возникло мнение, что в сарматское время нет особой корреляции между самыми статусными погребениями и размером погребального сооружения. Однако последние исследования С. А. Яценко показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматской культуры бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царскими», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015).

Следует обратить также внимание на места концентрации погребений в курганных могильниках. Мы можем связать такие места (находящиеся, по всей видимости, поблизости от мест зимовок) с племенными группировками. Например, в бассейне Нижнего Дона мы можем выделить четыре района концентрации погребений: 1) устье Дона, 2) междуречье и низовья Сала и Маньча, 3) среднее течение Сала и район к югу от нынешнего Цимлянского водохранилища, 4) бассейн реки Иловли (рис. 1).

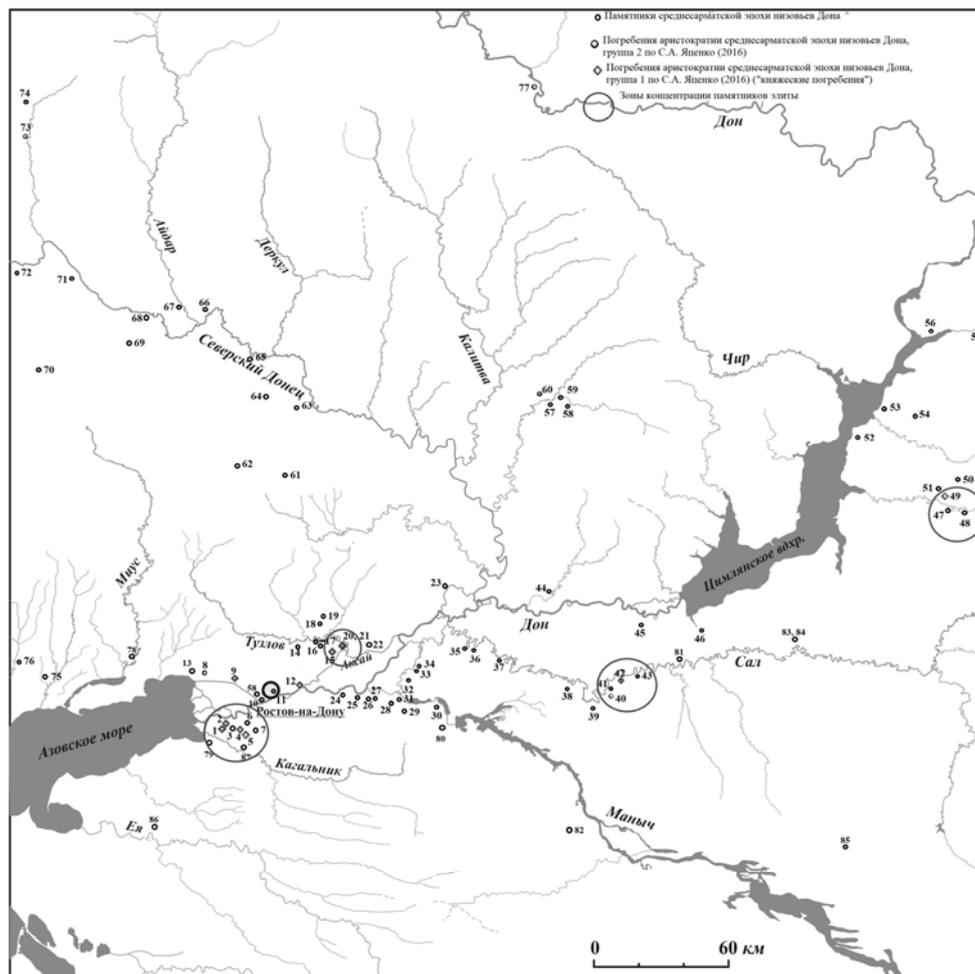

Рис. 9.1. Памятники среднесарматской эпохи Нижнего Подонья (воспроизводится по [Вдовченков, Кулешов 2019]).

Памятники среднесарматской эпохи Нижнего Подонья.

Элитные погребения среднесарматской эпохи низовьев Дона, группа 2 по С. А. Яценко (2016), с добавлениями.

Элитные погребения среднесарматской эпохи низовьев Дона, группа 1 по С. А. Яценко (2016) («княжеские погребения»), с добавлениями. Зоны концентрации элитных памятников среднесарматской эпохи Нижнего Подонья.

1. Аэродром; 2. Дачи; 3. Красногоровка; 4. Новоалександровка;
5. Высочино; 6. Кулешовка; 7. Койсуг; 8. Царский; 9. Хапры;
10. Круглый; 11. Мехзавод; 12. Кобяково; 13. Пятихатки; 14. Октябрьский-II (Аксайского района); 15. Соколовский; 16. Красный Колос; 17. Грушевский; 18. Чеботарев; 19. Цокуров; 20. Садовый;
21. Хохлач; 22. Донской; 23. Виноградный; 24. Алитуб; 25. Арпачин;
26. Усьман; 27. Плоский; 28. Колдыри; 29. Отрадный; 30. Крепинский; 31. Тузлуки; 32. Багаевский (Верхне-Янченков); 33. Багаев-

ский (Кудимов); 34. Ажинов; 35. Слободской; 36. Балабинский; 37. Кирсановский; 38. Долгий; 39. Московский; 40. Новый; 41. Арбузовский; 42. Криволиманский; 43. Пробужденовский; 44. Богоявленская; 45. Ясырев; 46. Саловский; 47. Жутово; 48. Аксай; 49. Октябрьский; 50. Чиковский; 51. Антонов; 52. Верхнерубежный; 53. Первомайский; 54. Крепь; 55. Новый Рогачик; 56. Ильевка; 57. Скоырский (Полевой Стан); 58. Ливенцовский; 59. Гринев; 60. Сладковский; 61. Астахово; 62. Благовка; 63. Большой Суходол; 64. Новокиевка; 65. Николаевка; 66. Войтово; 67. Райгородка; 68. Сокольники; 69. Сентяновка; 70. Новолуганское; 71. Переездная; 72. Черевков; 73. Сватова Лучка; 74. Нижняя Дуванка; 75. Октябрьское; 76. Набережное; 77. Мигулинская; 78. Федосеевка; 79. Займо-Обрыв; 80. Красный Кут; 81. Семёнкин; 82. Кузнецовский; 83. Дубовский; 84. Ериковский; 85. Гашун; 86. Сонино; 87. Мило-Яковлевка.

Особенно важно наличие элитных комплексов в районах концентрации памятников. Богатые комплексы в могильнике могут говорить о существовании своей элиты, что является аргументом в пользу политической самостоятельности данной группировки, в то время как присутствие в нем только рядовых памятников может быть свидетельством того, что это население является зависимой частью какой-либо политики.

О местах концентрации политической власти не всегда нам скажут комплексы с оружием. Для кочевников типична ситуация поголовной вооруженности – реалии кочевого быта заставляли каждого пастуха быть воином. Так, наличие оружия довольно характерно для раннесарматских комплексов. В ряде случаев наличие комплексов с оружием дает основания исследователям говорить о наличии дружин. Однако надо с осторожностью относиться к таким определениям – в большинстве случаев дефиниция «дружинное погребение» может быть заменено определением «погребение с оружием».

Дружины были довольно редки – в большинстве случаев для ранних кочевников дружина была избыточна, поскольку традиционная форма военной организации была вполне эффективна. Следует также обратить внимание на тот момент, что одиночное погребение с оружием никак не говорит о существовании дружины, поскольку дружина – это социальное явление. О принадлежности погребенного к дружине должен говорить культурный и реконструируемый социальный контекст погребального комплекса.

На сегодняшний день из всех сарматских могильников на огромной территории их проживания от Западного Казахстана до Венгрии выявлены всего три пункта, в которых погребенные были поголовно вооружены: 1) Чертовицкий I в верховьях Дона (I – начало II вв. н. э.); 2) цепочка некрополей «Золотого кладбища» на правом берегу Средней Кубани (середина I – конец II вв. н. э.); 3) Маленький некрополь в Новых Бедражах (Молдова, рубеж II–III вв. н. э.). (Яценко, Вдовченков 2015). Далек не всегда представители дружин были аристократами. Видимо, их участники образовывали особую социальную прослойку, вероятно –

не замкнутую: иначе пополнение подобных этих небольших отрядов представляло бы серьезную проблему.

Дружина своим фактом существования говорит о наличии политического центра. Однако они не обязательно находились в этом центре. Дружины были тесно связаны с оседлой периферией, которая давала ресурсы для их существования.

Проблема **зависимой периферии** очень важна для исследования потестарных отношений сарматов. Периферия – зависимые политически от сарматов общества. Анализ центр-периферийных отношений позволяет раскрыть содержание экзополитарной модели взаимодействия сарматов и оседлых обществ.

Рассматривая оседлую периферию иранского кочевого мира, следует обратить внимание на поселения, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзополитарности требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

В качестве классического примера зависимой периферии скифского времени можно рассматривать поселения лесостепной зоны (например, лесостепное Подонье – [Медведев 1999]). В сарматское время в этом качестве выступают меотские поселения Подонья и Прикубанья. Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя).

Таким образом, археология позволяет нам увидеть потестарные центры скифов и сарматов, реконструировать некоторые элементы системы властных отношений. Однако дать названия этим потестарным объединениям довольно просто.

Следует указать, что не всегда социальная сложность и стратификация древних обществ коррелируют с политической централизацией и политическими масштабами общества. Тем не менее, картину археологическую дополняют письменная традиция.

Реконструкция и сопоставление социопотестарной организации скифов и сарматов требует двух этапов: сравнение культур этих общностей, а затем – сравнение социальной и политической организации. Для лучшего понимания следует обратить внимание **на культурные универсалии** у иранских кочевников. Общие черты социальной организации и культуры объясняются хозяйственно-культурными особенностями номадизма, но ими, конечно, не исчерпываются. Ираноязычные кочевники степной зоны Евразии представляли собой единый историко-культурный мир. Более того, до последнего времени считалось, что разница между скифским и сарматским языками не столь существенна (Абаев 1979) (хотя исследования последнего времени позволили подкорректировать это положение [Кулланда 2016]). Несмотря на очевидную этнокультурную специфику разных групп номадов, проявляющуюся в погребальном обряде, предметах материального мира, религиозных концептах и т. п.), для кочевого

иранского мира характерны общие культурные черты, такие как курганный погребальный обряд, звериный стиль. Иранские имена, этнонимы, топонимы дают важную информацию о культуре кочевых иранцев. В восточно-иранских языках ираноязычных номадов использовались общие понятия, значимые для иранского мира (Абаев 1979; Грантовский 2007).

К числу таких универсалий можно отнести культ вождя, царя, который практиковался у иранцев. Власть царя имеет сакральный характер. Ее происхождение легенда связывала с обретением священных золотых предметов (плуга, ярма, секиры и чаши) Колаксам, которые хранятся как величайшие реликвии (Геродот IV, 5, 7). Люди, заподозренные в ложной клятве богами царского очага подлежат казни (Геродот IV, 68). Смерть царя сопровождается всеобщим трауром, когда тело покойного провозят по всей территории царства, а все подданные обязаны в знак скорби наносить себе определенные раны и увечья (Геродот IV, 71–72). Его похороны включают крупные человеческие жертвоприношения, причем сопребению подлежат лица довольно высокого статуса – члены его свиты (Грантовский 1980: 130–131).

При анализе культа царя у сарматов в большей степени мы опираемся на археологию. Мы видим инсигнии власти, следы блестящего и масштабного ритуала похорон. Культ царя подтверждают такие символы власти, как диадемы (самая известная – из кургана Хохлач – рис. 2, 3), меч из Дач, гривны (Кобяково, к. 10; Пороги – рис. 5, 6). Для кубанских сираков важным атрибутом царя была золотая диадема (Zinob. Epitom. V. 25), а в Аорсии в диадеме изображен Фарзой на чеканенных в Ольвии монетах (Яценко 2015: 90). О ритуалах, связанных с царской властью, говорят богатый и пышный погребальный ритуал (почти все царские погребения ограблены, поэтому судить приходится по остаткам погребений), а также, к примеру, диадема из кургана Хохлач. Вставки в диадему для деревьев и фигурок животных – свидетельство использования диадемы в ритуалах.

Сравнение иранских кочевников степной зоны Евразии в раннем железном веке – далеко не тривиальная задача. Параметры сопоставления – как особенности культуры, так и уровень политической социальной организации общества, система взаимодействия с внешним миром и т. п.

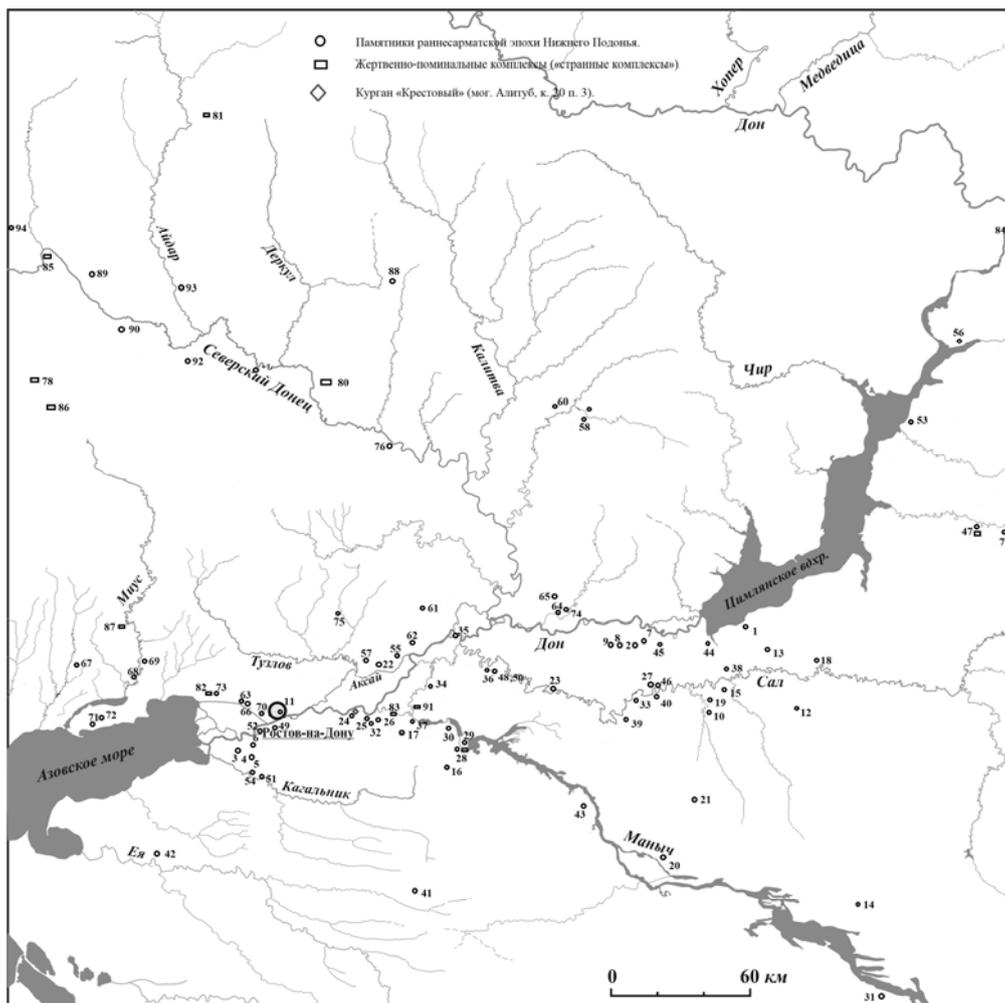

Рис. 9.2. Памятники раннесарматской эпохи Нижнего Подонья (II–I вв. до н. э.) (воспроизводится по [Вдовченко, Кулешов 2019]).

Памятники раннесарматской эпохи Нижнего Подонья.
 Жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы»)
 Курган «Крестовый» (мог. Алитуб, к. 20, п. 3).

1. Подгорненский I, Подгорненский IV, Подгорненский V, Подгорненский VI; 2. Холодный, Холодный I; 3. Красногоровка I, Красногоровка II, Красногоровка III; 4. Новоалександровка I, Новоалександровка II; 5. Высочино IV, Высочино V, Высочино VI, Высочино VII; 6. Кулешовка; 7. Рябичев; 8. Дубенцовский; 9. Пирожок; 10. Кутейников II; 11. Мехзавод, Роща; Темерницкий; Ростов; 12. Дружба; 13. Назаров II; 14. Лысянский II; 15. Серебряковка; 16. Попов; 17. Отрадный II, Отрадный XIII; 18. Ериковский I; 19. Озёрский III; 20. Чепрак IV; 21. Орловский I; 22. Донской; 23. Большеорловский IV; 24. Алитуб; 25. Арпачин, Арпачин II; 26. Усьман; 27. Малая Мартыновка; 28. Весёлый; 29. Спорный; 30. Крепинский; 31. Манычский I; 32. Крепин-

ский II; 33. Криволиманский I; 34. Ажиновский III; 35. Матюхин бугор;
36. Балабинский I, Балабинский II, Балабинский III; 37. Тузлуки II;
38. Саловский; 39. Арбузовский; 40. Пробуждение; 41. Терновский II;
42. Сонино; 43. Северный; 44. Столетовский; 45. Ясырев I, Ясырев III;
46. Южный; 47. Жутово; 48. Кузнецовский II; 49. Радутка; 50. Сагванский I; 51. Новониколаевка I; 52. Койсуг; 53. Первомайский; 54. Мило-Яковлевка; 55. Золотые горки II, Золотые горки IV; 56. Ильевка;
57. Кадамовский VII; 58. Ливенцовский; 59. Поляков; 60. Сладковский; 61. Мокрый Керчик; 62. Керчик; 63. Хапры; 64. Кастырский V, Кастырский VII, Кастырский VIII; 65. Сухо-Дюдеревский II; 66. Мокро-Чалтырский карьер; 67. Никитин I; 68. Федосеевка II; 69. Рясны I; 70. Ливенцовка VII; 71. Новолакедемоновский курган, Лакедемоновка; 72. Русский II; 73. Валовый I; 74. Богоявленовская; 75. Аюта I; 76. Малая Каменка IX; 77. Перегрузное; 78. Новолуганское; 79. Ново-Прохоровка; 80. Рестумов II; 81. Старобельск; 82. Царский; 83. Красный IV; 84. Качалинская; 85. Приволье; 86. Дебальцево; 87. Квашино; 88. Нижнебаранниковка; 89. Смольяниново; 90. Фрунзе; 91. Федулов; 92. Александровск; 93. Царевка; 94. Терны.

3. Уровень социальной сложности скифов и сарматов

В настоящее время в отечественной социальной археологии все большую популярность приобретает неозолюционизм и связанные с ним подходы и методы. Одно из актуальных направлений – кросс-культурные методы, получившие широкую известность во многом благодаря Джорджу Мердоку.

Среди российских ученых к анализу сложности кочевых обществ на основе базы Мердока впервые обратился Н. Н. Крадин. Он использовал работу, написанную Дж. Мердоком в соавторстве с К. Провостом, на примере 186 обществ (Murdock, Provost 1973). В данной статье авторы определяли критерии сложности общества и взяли 10 с их точки зрения наиболее важных критериев культурной сложности – письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию. Каждая из переменных оценена по пятибалльной шкале – от 0 до 4, см. описание критериев: Крадин 2004: 24–30. Используя критерии данной базы, Н. Н. Крадин определял уровень сложности в кочевых империях. Подход был развит С. А. Васютиным, который предложил фиксацию ключевых точек для анализа эволюции сравниваемых между собой обществ (Васютин, Дашковский 2009: 333–334).

В центре нашего исследования – изучение скифов и сарматов (акцентируя для сарматов внимание на донском регионе). Для скифов это три этапа скифской истории – архаический (VII–VI вв. до н. э.), с центрами на Северном Кавказе и лесостепной зоной Северного Причерноморья, классическая Скифия (V–III вв. до н. э.) с памятниками в степной зоне Северного Причерноморья, позднескифский с концентрацией памятников в Крыму (II в. до н. э. – II вв. н. э.) и на Нижнем Дунае (конец III – начало I в. до н. э.). Для донских сарматских памятников мы знаем четыре периода бытования, от II в. до н. э. до IV в. н. э. В IV – начале III в. Нижний Дон не был сарматским (Глебов 2007: 63). Раннесарматский пери-

од на Дону – это II–I вв. до н. э. (Глебов 2007: 66), среднесарматский – I – середина II в. Позднесарматский период распадается на два этапа – середина II – середина III в. (Безуглов 2010: 110–111) и с середины III в. миграция номадов с Кавказа обозначила начало второго этапа (Малашев 2010: 128).

Фиксировать отдельные хронологические точки при анализе социальной сложности, как предлагает С. А. Васютин, вряд ли возможно (наши источники не позволяют так детально рассматривать историю скифских и сарматских обществ), но интересно сопоставить между собой эти периоды развития иранских кочевников.

Поскольку многие пункты в данной таблице могут быть истолкованы по-разному, необходимо дать к ней соответствующие пояснения, взяв за основу рассуждения Н. Н. Крадина об уровне социальной сложности в кочевых империях (Крадин 2004: 30–35).

Письменность и записи. Использование писем скифскими и сарматскими царями (послание Эвнона императору Клавдию – (Тас. Апп., XII, 19)) еще не говорит о бытовании письменности у сарматов. Однако с I в. н. э. широко распространяется такое интересное явление как тамги, которые традиционно трактуют как символы родовой принадлежности (самая первая тамга в Восточной Европе – это рубеж III–II вв. до н. э. [Синика, Тельнов 2014]). Они сразу стали очень популярны. Актуальность этих знаков подчеркивается существованием так называемых «энциклопедий тамг» – плит, на которые, по предположению С. А. Яценко, наносили знаки представители разных родов в честь своего участия в социальных и политических акциях. Тамги, таким образом, можно интерпретировать, в том числе, и как мнемонические средства (1 балл).

Степень оседлости. В этом вопросе следует исходить из того, какой образ жизни ведет большая часть населения исследуемого общества. Скифы и сарматы – это хрестоматийные кочевники, однако специфика климата Восточной Европы – снежные зимы – делает невозможным круглогодичное кочевание. Необходимость в зимниках заставляла номадов готовиться к зиме. Обычно зимовья располагались в низовьях рек, в данном случае – устье Дона: «Что касается кочевников, то ... они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Поэтому степень оседлости может быть охарактеризована словами «полукошевая система поселений» (1 балл). Места зимовьев известны и археологически – прослеживаются по довольно тонкому культурному слою (Ставиский, Яценко 2002: 148).

Отдельно следует рассматривать ситуацию по скифским городищам. В V в. до н. э. отмечается появление стационарных поселений в пойме Днепра (следует отметить, что Немировское поселение возникает еще в эпоху архаики). Среди них своими размерами и богатством материала выделяются Каменское и Белозерское городища. Роли и функции городищ в Скифии остаются в значительной степени дискуссионными. Не вызывает сомнения, например, их определенное торгово-экономическое значение (Граков 1954: 115–140; 145–151), однако распространенная точка зрения на них как масштабные по своим размерам полити-

ко-административные центры скифских царей представляется малообоснованной.

Высказанная в свое время Б. Н. Граковым точка зрения на Каменское городище как на своеобразную «столицу» скифского царства, и получившая поначалу широкую поддержку, стала оспариваться уже в 80-е гг. XX в. (Ильинская, Тереножкин 1983: 188), серьезные возражения были высказаны и против оценки городища как крупного металлургического центра (Ольговский 1987: 51–52).

Как показала Н. А. Гаврилюк в последних публикациях, Каменское городище – это не политический центр Скифии, а конгломерат нескольких разновременных поселков, рассредоточенных на площади в 12 кв. км. Значение его определяется тем, что в том месте была одна из главных переправ через Днепр. Роль его была преувеличена исследователями. Рассматривать его как ставку скифского царя нет необходимости.

В целом для архаической и классической эпох характерно кочевание и использование «полукочевой системы поселений» – 1 балл. И только в позднескифском обществе мы видим процессы седенатризации, и поэтому можно поставить 2 балла – «полуоседлая система поселений».

В позднесарматское время, когда происходит оседание части сарматов, они появляются в Танаисе и на меотских городищах. Однако образ жизни основной массы номадов не изменился, поэтому увеличить балл для позднесарматской эпохи (до 2 баллов – «полуоседлая система поселений») я счел нецелесообразным.

Земледелие. Скифы и сарматы занимались земледелием, которое носило вспомогательный характер. Свидетельство этого – единичные находки сельскохозяйственных орудий: серпов, зернотерок, мотыжек (Максименко 1998: 98). Следует вспомнить информацию Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Говоря о другой области, прилегающей с севера к Кавказу, Страбон говорит: «При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (*Ibid.* XI, II, 1).

Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах» сообщает: «Меоты и савроматы (употребляют в пищу) просо...» (Claud. Aelian. III. 39). Один из аланских предводителей V в. н. э. звался Эохар – буквально «просоед» (Абаев 1979: 310). Плиний Старший также говорит о популярности проса: «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса. – Е. В.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» (Plin. NH. XVIII. 100).

Подтверждение этой информации – данные анализа содержимого сосудов из ранне- и позднесарматских погребений Поволжья, в которых находилась, судя по концентрации фосфатов, каша (Демкин, Демкина 1999: 32, 33).

Конечно, зерно кочевники получали и от зависимого оседлого населения, но часть сарматов все же занималась земледелием и могла выращивать неприхотливые зерновые культуры, такие как просо. Однако главное занятие номадов – экстенсивное кочевое скотоводство. Поэтому можно поставить 1 балл – «земледелие менее 10 %».

Урбанизация. Это показатель масштаба локальных сообществ. Поскольку для кочевников-скотоводов Евразии характерна небольшая по численности община, насчитывающая менее 100 индивидов (Крадин 2004: 32), то сарматы могут быть отнесены к самой простой форме (0 баллов – «население местных общин в среднем менее 100 человек»). О небольшой численности общины может говорить преобладание у скифов и сарматов небольших курганных могильников, формируемых, видимо, отдельными семьями и небольшими общинами. Такие крупные могильники, как Мамай-гора (скифское время) и могильник Новый (сарматское время), включающие в себя сотни погребений, все же исключения.

Технологическая специализация. Археологические материалы подтверждают, что для всех данных обществ было характерно наличие металлургии, ткачества, гончарства. Павсаний, описывая, видимо, богато декорированный сарматский боевой доспех, хранящийся в храме Асклепия в Афинах, вынужден на его примере признать, что «здесь (то есть в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцирь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов» (Pausan. I. 21. 5). Далее он сообщает: «У савроматов нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные» (Pausan. I. 21. 5).

У кочевников, очевидно, преобладало домашнее производство, а потребности в ремесленных изделиях удовлетворялись за счет торговли и внешней эксплуатации оседлых народов. Однако существование металлургического производства на уровне промыслов и даже ремесла весьма вероятно. В отношении ткачества можно уверенно сказать, что у ранних номадов использовался горизонтальный и вертикальный станок (Акбулатов 1999: 44). Что касается продукции гончаров, то как скифы, так и сарматы предпочитали получать кружальную керамику от оседлого населения (из античных центров, от меотов и т. п.), сами на ней не специализируясь.

По этому показателю номады получают 3 балла – «общество имеет металлургов или кузнецов, но испытывает недостаток ткачей и/или гончаров». Следующая позиция на 4 балла («общество имеет разнообразных специалистов ремесла, включая кузнецов, ткачей и гончаров») подходит в меньшей степени, поскольку номады предпочитали использовать продукцию из центров оседлости, а не развивать производство у себя.

Наземный транспорт. По определению уровня развития транспорта нет никаких сложностей – «перевозка грузов животными на колесных средствах» – 3 балла.

Деньги. Здесь следует привести мнение С. И. Безуглова, опирающегося на археологический материал: «идея денежного обращения на основе металлической монеты оставалась чуждой миру кочевых сарматов на всем протяжении его существования» (Безуглов 2001: 98). Это справедливо и для скифов. В письменных источниках содержится аналогичная информация: «Но и теперь еще есть так называемые „обитатели кибиток“ и „кочевники“, занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар» (Strabo. Geogr. VII, III, 7).

Отдельно следует обговорить чеканку монет скифскими и сарматскими и аланскими правителями. Самый известный случай – чеканка монет скифским царем Атеем в IV в. до н. э., сарматским царем Фарзоем монет в Ольвии в I в. н. э. Согласно определению Ю. Г. Виноградова, выпуск варварскими правителями на монетных дворах античных городов денежных знаков, преследовал, в первую очередь, политико-пропагандистские цели и носил ярко выраженный «демонстрационный характер» (Виноградов 1989: 235).

Чеканка монеты – это политические амбиции и в меньшей степени потребности зависимого оседлого населения, а не внутренние потребности кочевников. Кстати, у Дж. Мердока в его индексах не обозначена престижная функция денег («4 балла – валюта в виде стандартных металлических или бумажных денег; 3 балла – символические средства (каури, ожерелья, слитки); 2 балла – деньги иностранных государств, в том числе колонизаторов; 1 балл – денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения); 0 балла – прямой или косвенный обмен товарами»). Таким образом, использование золотых монет Фарзоем не дает оснований начислять сарматам царства Фарзоя 4 балла за использование денег.

Впрочем, следует обратить внимание на чеканку серебряной монеты Ининосеем в Ольвии (Карышковский 1988: 119), а также бронзовой монеты в Нижнедунайской Скифии (Андрух 1994), которые могут иметь и торговое значение. Но эти случаи остаются лишь эпизодами в истории экономики степного населения.

Несмотря на отсутствие денег, скифы и сарматы активно торговали, поэтому здесь можно поставить 1 балл – «денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения)». Интенсивность обмена, в который включались сарматы, позволяет предположить наличие общепотребительных средств обмена (скорее всего, скота), хоть прямых данных для этого и нет.

Плотность населения. Страбон отмечал, что царь сираков Абеак выставил в I в. до н. э. 20 тысяч всадников, царь аорсов Спадин – 200 тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью (Strabo. Geogr. XI, V, 8). Аорсы обитали в Подонье и Нижнем Поволжье. Сведения Страбона

о 200 000 всадников, несомненно, преувеличены, но эта цифра – единственная, которую античные авторы сообщают о населении региона.

На основании анализа археологического материала и сравнительно-исторических данных было предпринято несколько попыток определения плотности и численности населения в эпоху раннего железного века. Н. А. Гаврилюк установила, что для степной Скифии плотность населения равняется 1,32 чел. на кв. км (Гаврилюк 1999: 21–24). В. В. Халдеев пришел к выводу о плотности 0,5–1 чел. на кв. км для Заволжья – Приуралья в сарматский период (Халдеев 1987: 231). И. М. Акбулатов оценивает плотность населения южноуральских степей в 0,6 чел. на кв. км (Акбулатов 1999: 16). Климат Нижнего Подонья отличается большей увлажненностью по сравнению с Приуральем, что позволяет предположить большую плотность населения для номадов.

Исходя из обозначенных данных и кочевого образа жизни сарматов, уровень плотности населения можно оценить в 1 балл – «от 1 до 5 чел. на кв. милю». Весьма вероятно (хотя этот тезис, безусловно, нуждается в дальнейшем обосновании) считать плотность населения в европейских степях большей, чем 1 человек на 2,56 кв. км (то есть 1 человек на кв. милю). Эти показатели, конечно, меняются в зависимости от климатических условий и степени оседлости общества.

Уровень политической интеграции. В этом вопросе наибольшие сложности, поскольку реконструировать политические институты на основании археологических данных весьма непросто. Страбон сообщает о населении последних веков до нашей эры следующее: «управляют ими так называемые “скептухи”, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. Geogr. XI, II, 13). Таким образом, Страбон говорит о двух уровнях власти у номадов, то есть речь идет, по всей видимости, о сложных вождествах (Скрипкин 2014: 14).

Самые богатые комплексы в Нижнем Подонье известны в среднесарматскую эпоху. Концентрация богатств в погребениях элиты, резкое усиление влияния номадов на оседлый мир позволяют предположить у них существование развитых политических структур. В этот период в Подонье появляется Алания. Вопрос о формах политической организации аланов вызвал дискуссию (Яценко 2009; Вдовченков 2011; Перевалов 2014; Скрипкин 2014).

Следует обратить внимание на несколько уровней элиты у скифов классической эпохи (Мозолевский 1979: 156–164) и сарматов среднесарматской эпохи. С. А. Яценко предложил критерии для различения представителей царских и знатных родов среднесарматского периода – оружие, украшения, символы власти и т. п. (Яценко 2002). Последние его исследования показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматского времени бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царской», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015).

Исходя из имеющихся разработок по уровню политической организации аланов, общество сарматов среднесарматского периода было оценено выше – в 4 балла – «три и более уровня иерархии, например государство, разделенное на области и на районы» (но этот высокий балл никоим образом не означает государственности у аланов).

В позднесарматскую эпоху мы не знаем такой концентрации богатств в регионе и можем предположить некоторое упрощение политической структуры. Таким образом, в ранне- и позднесарматский периоды уровень политической интеграции общества оценивается в 3 балла – «два уровня иерархии, например полития, разделенная на районы».

Социальная стратификация. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Раннесарматская культура сформирована довольно типичными кочевниками, у которых не было бросающейся в глаза разницы в богатстве. Тем не менее, ряд погребений явно выделяются на фоне рядовых комплексов. Однако аристократическая страта становится очень заметной в среднесарматском обществе. Ярким свидетельством этого является значительное количество элитных комплексов. Мы можем предполагать формирование протосословия, специализирующегося на войне, и развитие социальной стратификации. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудозатраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки). Элитные группы легко выделяются также и в оба позднесарматских периода (особенно следует отметить так называемую всадническую культуру II–III вв. н. э.).

Исходя из уровня развития скифского и сарматского общества, а также наличия аристократии, упоминаемой в письменных источниках и выделяемой археологически (особенно в среднесарматский период), можно для всех периодов предложить 2 балла – «две страты, но рабство и касты неразвиты».

Таблица. Динамика уровня сложности сарматских обществ Подонья по периодам

№	Периоды	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мердока										
		письменность	степень оседлости	земледелие	урбанизация	технологическая специализация	наземный транспорт	деньги	плотность населения	уровень политической интеграции	социальная стратификация	Всего
1	Скифы VII–VI вв. до н. э.	0	1	1	0	3	3	1	1	4	2	16
2	Скифы V–III вв. до н. э.	0	1	1	0	3	3	1	1	4	2	16
3	Поздние скифы	0	2	1	0	3	3	2	1	4	2	18
4	Раннесарматский	0	1	1	0	3	3	1	1	3	2	15
5	Среднесарматский	1	1	1	0	3	3	1	1	4	2	17

Окончание Табл.

№	Периоды	Баллы в соответствии с критериями Дж. Мердока										
		письменность	степень оседлости	земледеле	урбанизация	технологическая специализация	наземный транспорт	деньги	плотность населения	уровень политической интеграции	социальная стратификация	Всего
6	Позднесарматский 1	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
7	Позднесарматский 2	1	1	1	0	3	3	1	1	3	2	16
8	Хунну ¹	1	0	1	0	4	3	1	1	4	2	17

Результаты представлены в Табл. Конечно, оценка уровня сложности иранских кочевников носит в ряде случаев характер гипотезы и требует дополнительного обоснования. Полученные результаты, вне всякого сомнения, достаточно условны, но дают интересный материал для сравнения.

Важно, что благодаря этой схеме мы можем сопоставить ранних номадов разных эпох и культур. Безусловно, выделяются на фоне остальных культур культура классических скифов и среднесарматская культура. Можно сопоставить эти данные с результатами анализа общества хунну (см. графу 8 Табл. – материал по хунну). Отличия объясняются иными условиями кочевания (в Центральной Азии возможно круглогодичное кочевание, что дает 0 баллов во второй колонке) и иным уровнем политической централизации (кочевая империя, противостоящая Китаю). Также Н. Н. Крадин выше оценил уровень развития ремесла – в 4 балла. В результате у нас получается одинаковый результат для хунну и номадов среднесарматского периода – 17 баллов. Остальные общества сарматов и скифов оцениваются на 1–2 балла ниже.

Теперь, рассмотрев уровень сложности обществ скифов и сарматов с позиции базы Дж. Мердока, необходимо ответить на вопрос о ее эвристических возможностях. Следует отметить, что некоторые аспекты, связанные со спецификой социума номадов, не учитываются этими критериями. Так, для номадов важно учитывать военную мощь и уровень развития военных технологий, систему отношений с оседлым населением, религиозный фактор, а также развитие искусства (хотя обсуждение таких параметров и приведение их к единой сумме показателей – отдельная и очень непростая задача).

С другой стороны, использование этих критериев приносит свои плоды. Во-первых, ставятся новые вопросы, зачастую неполно освещенные в литературе (уровень развития ремесла, плотность населения и т. п.). Во-вторых, мы получаем возможность сопоставлять эти данные со значительным количеством других обществ, в том числе и с номадами. Так, мы можем исследовать проблему континуитета и прерывности в социальном развитии номадов раннего железного

¹ По данным Н. Н. Крадина (2004: 30, Табл. 2).

века. Постоянные миграции и политические изменения, вызванные ими, приводили к существенным подвижкам в этнической и социальной сфере. Благодаря этому подходу мы получаем возможность для сопоставления обществ как древних, так и средневековых номадов.

Н. Н. Крадин резюмирует итоги использования кросс-культурных обществ для номадов, выделяя три-четыре уровня культурной сложности. Скифы и сарматы – это второй-третий уровень – (второй – это «вторичные» племена, конфедерации племен, простые вожества, а третий – сложные и суперсложные общества) (Крадин 2004).

4. Факторы политической организации номадов

Концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов указывает на решающее значение для политической организации кочевников **взаимоотношений с внешним миром**. Система связей с внешним миром, особенно с оседлым, таким образом, является ключом к пониманию политической и социальной истории кочевников. **Экзополитарный характер** общества скифов и сарматов заставляет нас обращать самое пристальное внимание на оседлый мир, с которым они взаимодействовали. При этом сам характер этого мира определял многое в политической организации номадов. Процессы интеграции у номадов были связаны с задачами успешной экзополитарности, масштабы которой определяли масштабы складывающихся политий. Между кочевниками и оседлым миром происходило постоянное и интенсивное взаимодействие: согласно А. М. Хазанову и Т. Дж. Барфилду, мобилизация номадов и размер образуемых ими политий напрямую зависели от сил и масштабов противостоящего им земледельческого общества (Хазанов 2002). Так, крупные кочевые империи у номадов являются ответом на земледельческое окружение, и в качестве иллюстрации приводятся обычно отношения Китая и его кочевой периферии (Барфилд 2006). Скифские и сарматские племена и вожества успешно справлялись с задачами экзополитарности соседей, поэтому, как отмечает А. С. Скрипкин (Скрипкин 2015: 78), не фиксируется адекватных «вызовов» для создания сарматами кочевой империи.

Противостоящие номадам разрозненные общности лесной зоны Восточной Европы или Северного Кавказа не требовали от них мощной консолидации. В то же время древние государства представляли были намного интереснее номадам, но вместе с тем были гораздо более серьезным противником. Персидская империя, античные полисы, Македонская держава, Римская империя, Боспорское царство – история их взаимодействия полна как примеров сотрудничества, так и противостояния, и в любом случае это взаимодействие было одним из ключевых факторов военно-политической организации номадов.

При исследовании потестарной организации особую роль следует уделять особенностям взаимодействия каждой из кочевых группировок с оседлым и кочевым миром. В эпоху раннего железного века можно выделить ключевые политические центры степной зоны. Концентрация элитных, так называемых царских, некрополей, активизация военной деятельности позволяют определить регионы, где предполагается существование самых мощных политий иранцев. Для

VII–VI вв. таким центром был Северный Кавказ; в V–IV вв. до н. э. – степное Поднепровье. Другой мощный центр маркируется курганами Филипповки в Южном Приуралье. II–I вв. до н. э. – это Крымская Скифия и Прикубанье, I–III вв. н. э. – Нижнее Подонье.

Климат. Для кочевников природно-географические условия и климат в силу экстенсивного характера их экономики всегда значили очень много. Климат сильно влиял на условия хозяйствования.

Более того, климат сыграл большую роль в появлении nomадизма евразийских степей, поскольку аридизация привела к формированию экстенсивного кочевого скотоводства, и эта форма хозяйствования позволяет существовать в условиях довольно засушливого климата.

Климат серьезно влиял на условия кочевания. Периоды аридизации – это периоды опустения степей и ослабления nomадов. Аридизация III–II вв. до н. э. стала одной из причин смены населения в европейских степях и крушения Скифии в Северном Причерноморье. А период гумидизации – I в. н. э. – совпадает с эпохой усиления сарматов. Во II–III вв. снова засвидетельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания (Демкин 2012: 163, 166, рис. 45). Возможно, климатический фактор стал очень важным обстоятельством для переселения сарматов в Предкавказье, где в это время наоборот, климат увлажняется, и условия становятся весьма благоприятными. Здесь в рамках рубежа I–II – середины II в. н. э. происходит заметное усиление увлажненности климата, достигающее пика к концу IV – началу V в. (Хохлова и др. 2009: 317; Малашев 2014: 75). Об этом говорят наблюдения за почвами курганных могильников Брут-2 и Беслан II–III вв. на территории Владикавказской котловины (Хохлова и др. 2007: 1188). Это стало одной из предпосылок возвышения Предкавказской Алании во II–IV вв.

Еще один важный фактор политической организации nomадов – это **миграции**. Отражение миграций в археологическом материале не всегда очевидно. Мы их часто не видим (миграция может быть кратковременной), но следы их хорошо заметны (новые артефакты, элементы погребального обряда, следы разрушений и т.п.). Правда, это может быть не миграция, а диффузия, но археология позволяет отличить миграцию от проникновения элементов культуры другими путями. Результатом их является переход к новой политической ситуации, где ведущую роль играют новые мигранты – скифы, аланы, аорсы, роксоланы, появляются на базе смешения местного и пришлого населения новые археологические культуры.

Миграции приводят к разрыву в развитии обществ nomадов, новая орда заново устанавливает свои экзополитарные отношения с оседлым миром и кочевой средой. Очень важную роль играет культура мигрантов, поскольку именно от культурных моделей, устанавливаемых победителями, зависит и политическая организация, и особенности взаимодействия с оседлым миром. **Культурные модели** социальной и политической организации общества, и, шире, культура nomадов, таким образом, это еще один очень важный фактор политической эволюции nomадов. Политические институты и практики всегда опосредованы

культурой того общества, в котором они существуют. Любой социальный феномен имеет свое место в культуре – в том числе название.

Так, например, если мы сопоставим два общества – Предкавказскую Аланию II–IV вв. н. э. и европейскую Скифию VI–III вв. до н. э., то между этими образованиями будет много общего. Ключевая роль ираноязычных номадов, высокий уровень политической организации, значительная роль поселений. Но есть одно очень важное различие. Это отношения с античной цивилизацией и включенность в экономические и культурные процессы античного мира.

Если Скифия имела очень мощные связи с греческим миром, то с Аланией ситуация обстоит несколько иначе. Можно спорить о роли хлебных поставок из Скифии в обеспечении античного мира, но они были. Скифия была наполнена античными импортами – керамикой, продукцией греческих ремесленников. Материалы городищ и некрополей убедительно свидетельствуют об интенсивной торговле с античными полисами Северного Причерноморья. Скифо-эллинская торговля растет на протяжении всего V в. до н. э., а в IV–III вв. до н. э. приобретает значительные масштабы. Этому, как считается, способствовало установление скифами контроля над торговыми путями, по которым в греческие города Причерноморья, предположительно из лесостепных районов поступал хлеб. Кроме того, предметами транзитной торговли были мед и воск. К собственно скифским товарам, поступавшим на античные рынки, можно отнести шкуры. Свидетельства античных авторов о большом числе рабов, поступавших из Скифии, позволяют предположить важную роль работорговли в структуре скифского экспорта. Основными предметами импорта, поступавшими в этот период в степь из античных центров, были вино и разнообразные ремесленные изделия – столовая и лаковая посуда, металлические и стеклянные украшения, оружие, предметы роскоши. Даже в рядовых скифских погребениях мы находим импортную керамику.

Более того, образ скифов очень значим для греков, а один из скифов – Анахарсис – вошел в число семи мудрецов. Установилась традиция видеть в скифах традиционных варваров северной части Ойкумены.

Кавказская Алания выглядит совершенно иначе. Мы видим мало амфорной керамики, краснолаковых мисок, бронзовой посуды из Римской империи. Здесь играла, конечно, свою роль географически удаленность. Но эти связи очевидно были, и вероятнее всего шли через Танаис. Об этом говорит большое количество сероглиняной кружальной керамики в Танаисе III в. н. э. Прослеживаются контакты с Боспором (амфоры, краснолаковая керамика, изделия из стекла) и Закавказьем (сосуды из Албании и Иберии). Связи с Боспором особенно интенсивны во 2-й половине II – 1-й половине III вв. н. э., активизация контактов с Закавказьем приходится на III–IV вв. н. э.

Но Алания в малой степени ориентировалась на античный мир. Более того, если мы посмотрим на кружальную керамику в степи от Дона до Урала – это не античные формы, а легко узнаваемые сосуды из Предкавказья. То есть кавказские центры обеспечивали степную зону продукцией ремесленников. То есть для иранского мира Северного Кавказа характерна иная модель взаимодействия с античным миром. Этот вопрос, который может быть, надо решать в рамках ци-

визационной парадигмы, но в любом случае разница между Аланией и Скифией не может быть объяснена только природными или экономическими факторами.

Следует обратить внимание еще одно обстоятельство. Важным условием успеха процесса создания раннеаланской культуры Предкавказья и вполне эффективной социальной организации была эффективная политическая и культурная модель взаимодействия с оседлым варварским миром (меотами и автохтонным населением Предкавказья в первые века нашей эры), характерная для средних сарматов. Носители среднесарматской культуры обладали очень впечатляющей культурой элиты, именно ими оставлены самые богатые памятники Сарматии, концентрирующиеся в Нижнем Подонье. В отличие от раннесарматского общества Подонья, носители среднесарматской культуры ориентировались на контакты с оседлым миром, и их отношения с меотами Подонья показывают результаты такой политики (а погребение из кургана № 10 могильника Кобяковского городища фиксирует присутствие сарматской элиты на некрополях меотов).

При анализе экзополитарных отношений необходимо обращать внимание на технические новшества, так как их роль в эволюции общества номадов не стоит недооценивать. **Техника** как фактор действует через систему экзополитарных отношений, опосредованно. Здесь можно обозначить важнейшие вехи в развитии материального мира номадов:

Появление конской узды и всадничества в евразийских степях, без которых номадизм был бы невозможен; распространение скифского лука и связанная с этим тактика (Черненко 1981; Горелик 1993); катафрактарная конница у номадов и тактика сарматов (Хазанов 1971); тамгопользование с социальными последствиями (Яценко 2001); жесткое седло (Хазанов 1971), гуннский лук; на закате эпохи иранского владычества в евразийских степях – стремена (Азбелев 2014).

5. Потестарные институты

Социальная и политическая организация номадов предполагает несколько таксономических уровней – род, племя, союз племен. Эти понятия позволяют охарактеризовать как развитие этнических, так и политических процессов у кочевников. Мы можем также предположить, исходя из современного понимания потестарного развития кочевнического общества, существование у ранних номадов таких форм политий, как вождество и кочевая империя.

Многokrатно обсуждалась проблема существования у номадов **государства**, причем такие обсуждения нередко приобретали идеологизированные формы.

Для европейской Скифии многие исследователи применяют понятие государство (самый известный пример – А. М. Хазанов, у которого в его классической монографии понятие «скифская государственность» вынесена в название VI главы [Хазанов 1975: 203–263]). В недавнем исследовании Мурзин пишет о том, скифское общество было более близко к раннефеодальному, которое отличалось многоукладностью (Мурзин 2014: 62).

В работах сарматологов с советского времени устоялось представление о классобразовании у сарматов. Говоря о сарматах первых веков, А. М. Хазанов пишет, что «процесс классообразования у сарматов усиливается», подразумевая под этим увеличение имущественного неравенства и социальной дифференциации (1971: 82). Аланское объединение приблизилось, по его мнению, к уровню кочевых «варварских» государственных образований с еще не завершенным процессом классобразования, и исследователь фиксирует его заключительный этап (Там же). А. П. Медведев тоже пишет о процессах классобразования у сарматов и существовании у них государства (2010: 140, 145).

Конечно, о высоком уровне зашедшей социальной дифференциации и политического развития говорят следующие признаки: наличие социальной иерархии; формирование наследственной власти; деятельностью харизматического лидера и культ царской власти; значительная военно-политическая мощь кочевых объединений; концентрация значительных ресурсов.

Тем не менее, если мы возьмем три ключевых критерия государства – централизованный аппарат управления, территориальный принцип организации и налоги чаще всего отсутствовали (Крадин 1992: 152–160). В настоящее время концепция государственности у кочевников подвергается критике, поскольку у них нет внутренней необходимости для создания государства. Специфика кочевников приводит к развитию альтернативного пути политогенеза, не доходящего до государственности. Вопрос о том, достигают ли политики кочевников государственного уровня, должен решаться в каждом конкретном случае. Заслуживает внимания предложение Л. Е. Гринина считать крупные и мощные политии кочевников, внешне напоминающими крупные государства (например, империя хунну, европейская Скифия), аналогами крупного раннего государства (Гринин 2012: 26).

Вождество – это промежуточная или альтернативная государству форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, где существует заметное социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата (Service 1975: 15). Власть правителя кочевого вождества держалась на успешной внешнеполитической деятельности и на перераспределении добычи, дани и т. п. среди своих воинов и верхушки племен. Ключевую роль в функционировании вождества играла редистрибуция. Цель создания вождества у кочевников – это формирование системы экзополитарных связей, эффективной внешней эксплуатации, проявляющейся в виде набегов, дани и т. п. Полученные ресурсы распределялись между знатью и простыми кочевниками. Правителя и подчиненные общины соединяют редистрибуция и институты престижной экономики. Таким образом, именно результативность военных действий, эффективность экономики войны была ключевым условием политической интеграции у сарматов.

Можно определить вождество как специфическую форму социополитической организации позднепервобытного общества, которая, с одной стороны, характеризуется как система, имеющая тенденции к интеграции путем политической централизации, наличием единой редистрибутивной экономики, единой идеологии и т. д., а с другой стороны, как система, имеющая тенденции к внут-

ренной дифференциации посредством специализации труда, к отстранению непосредственных производителей от управления обществом, формированию элитарной и народной культуры (Крадин 1995: 16–17).

Другой политический институт у сарматов – **племя**. Племя характеризуется следующими признаками: представление о дальнем реальном или фиктивном родстве соплеменников, наличие племенной территории, языковой (диалектной) и культурной общности, общеплеменной власти, племенного самоназвания и самосознания. В целом же понятие племени сохраняет свою применимость к общностям низшего и среднего порядка (мало- и среднемасштабным), в особенности – к обществам номадов (Helfgott 1977; Lindner 1982).

Структурные и функциональные различия между вождеством и племенем характеризуются как весьма существенные (Grinin, Korotayev 2011; Крадин 2015: 9): вождество более консолидированная и управляемая общность. Если лидер племени обладает скорее неформальным положением, опирающимся на личный авторитет, то позиция предводителя вождества подкреплена наследственным статусом. У племени и вождества разная степень централизации и разные векторы внутренних отношений – горизонтальный для племени и вертикальный для вождества; неравенство (политическое и социально-экономическое) более выражено в вождестве (Крадин 2015: 9).

Примером племени нам могут выступать скифы из «Токсариса» Лукиана. Очень интересной особенностью «скифов» в «Токсариде» является то, что в случае мирной перекочевки большой орды (где в контексте никаких военных приготовлений нет) (Токсарис, 39) ею руководят сразу несколько начальников. А обряд на шкуре, который помогает собрать войско для набега, может организовать любой скиф. Это говорит о том, что не было значительной централизации власти. В том обществе, которое описывается у Лукиана как скифское.

Другой пример – это ранние сарматы Подонья, среди памятников которых мы практически не видим погребения элитарной субкультуры (Вдовченков, Кулешов 2019) (рис. 2). Это позволяет предположить, что для ранних сарматов Нижнего Дона во II–I вв. была характерна именно племенная организация.

В то же время примером вождества (сложного, по всей видимости) могут служить Скифия V–III вв. до н. э. и полития на Нижнем Дону, от которой остались памятники среднесарматской культуры (I – середина II в. н. э.) (Вдовченков 2016; Вдовченков, Кулешов 2019). Здесь мы видим ключевые признаки вождества – и наличие мощного центра, и наличие яркой элитарной субкультуры, и активная внешнеполитическая деятельность, и культ царской власти, отраженный в погребальном обряде.

В связи с изменчивостью ситуаций в степной зоне процессы централизации и децентрализации протекают постоянно: вождества трансформируются в племена, а затем, при благоприятной обстановке, снова «собираются» в вождества. Факторы перехода племени в вождество и обратно – успешная деятельность царей и предводителей (скептухов), климатические изменения (аридизация/гумидизация), динамика оседлой периферии, динамика военного потенциала кочевников. В силу сказанного, нет оснований резко абсолютизировать различия между племенем и вождеством у сарматов: изменчивость конкретно-историчес-

ких условий предопределяла регулярный характер разнонаправленных трансформаций (см. далее, в частности: Salzman 2000; Miller 2014).

Кочевая империя – это сложная, занимающая относительно большое пространство общественная система, состоящая из кочевого «ядра», имеющего форму иерархической пирамидальной структуры при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации и зависимой, эксплуатирующейся, как правило, посредством данничества территории, в которую могли входить как земледельческие, так и другие народы (Крадин 1989).

Примером такой империи может служить европейская Скифия. Налицо мощное управленческое ядро, наследственный характер власти, значительная подчиненная периферия, активная внешняя политика. Но вместе с тем вопрос о реальных масштабах скифской державы постоянно является предметом обсуждения, и у исследователей нет консенсуса по этому вопросу. Здесь исследования затруднены в связи с тем, что археологические памятники не могут нам дать однозначный ответ на этот вопрос.

Так, нельзя не отметить дискуссии о масштабах державы Атея (см. литературу: Каллистов 1969; Петров 2016: 131–137). Нередко встречается представление о скифском царе Атее как правителе великой державы, воплощавшей высший уровень как внешнеполитического могущества Скифии, так и ее социально-политического развития. Эти сообщения опираются в первую очередь на текст Страбона: «Атей, ... как кажется, господствовал над большинством здешних варваров» (География. VII, 3, 18). Тем не менее, масштабы политики контролируемой Атеем, не очевидны. Вполне допустимо предполагать, что он контролировал только Северо-Западное Причерноморье, а не всю территорию до Дона включительно.

Вопрос о существовании кочевой империи у сарматов вызвал дискуссию. Особое внимание в связи с проблемой существования кочевой империи уделяют донской Алании. Вопрос о политической форме Алании I – первой половины II вв. н. э. уже рассматривался в литературе. А. М. Хазанов называл его объединением аланских племен, подразумевая под ним, в том числе, и следующую волну аланов II–III вв., К. Ф. Смирнов – конфедерацией (Хазанов 1971: 84). С. А. Яценко (2009) охарактеризовал ее как кочевую империю.

У аланов С. А. Яценко выделил следующие признаки кочевой империи (Яценко 2009):

- наличие зависимой оседлой периферии, подвергаемой экзоплокации (население донской лесостепи, нижнедонские и кубанские городища, отчасти Боспор и т. п.);
- наличие царей и влиятельной аристократии (археология показывает нам очень богатые комплексы, которые мы можем интерпретировать только как царские или аристократические);
- исключительная военная активная военная деятельность, организация масштабных акций в Подунавье, Закавказье, Северо-Западном Иране;
- признание соседями высокого статуса Алании (династические браки с царями Армении).

Против интерпретации политики аланов Нижнего Дона как кочевой империи резко выступили два авторитетных исследователя – С. М. Перевалов и Б. А. Раев (Перевалов 2014; Раев 2016). С.М. Перевалов обстоятельно прокомментировал ситуацию с письменными источниками по истории аланов. Особенно заслуживает внимания его скептицизм по поводу использований данных кавказских авторов. Однако С. М. Перевалов не использовал археологические источники и не в полной мере учел различия между объединениями ираноязычных кочевников разного времени.

В связи с проблемой выделения кочевой империи у сарматов важно определиться с соотношением понятий «вождество» и «кочевая империя». Кочевые империи по своему внутреннему устройству являются сложными и суперсложными вождествами (отличие в масштабах и институте наместничества (Крадин 2002: 241)). Для превращения в империю требовалась успешная внешняя политика, установление своей власти на зависимых территориях и укрепление позиции правящих родов. Таким образом, кочевая империя – это наиболее успешное вождество, деятельность которого позволила расширить масштабы политики за счет зависимых областей.

Если говорить о деятельности донских аланов первых веков, то она была довольно масштабной. Но сейчас мало данных о характере их взаимодействия с оседлым миром и о контролируемой ими территории, а также о самой власти в их обществе. Были ли в подчиненных аланам обществах наместники, сказать сложно. Погребения высшей знати из некрополя Кобяково (к. 10) и Липецкого кургана говорят скорее не о наместничестве, а зависимости оседлого населения от конкретных родов и отдельных представителей знати. На мой взгляд, информации для однозначных выводов о существовании кочевой империи у аланов пока недостаточно. Ключевой здесь вопрос – масштаб деятельности номадов. Кочевая империя рождается, когда происходит выход за рамки локальной потестарности. Произошел ли он в случае с донскими аланами или нет, покажут дальнейшие исследования.

Библиография

- Абаев В. И. 1979.** Скифо-сарматские наречия. *Основы иранского языкознания* / Отв. ред. В. С. Расторгуева. Т. 1. *Древнеиранские языки*, С. 272–364. М.: Наука.
- Азбелев П. П. 2014.** Еще раз о ранних стременах. *Российский археологический ежегодник* 4: 297–322.
- Акбулатов И. М. 1999.** *Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Уфа: НМ РБ.
- Алексеев А. Ю. 2003.** Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Андрух С. И. 1995.** *Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (Этнополитический аспект)*. Запорожье: ЗГУ.
- Барфильд Т. 2009.** Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников. *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 3, с. 14–57. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Безуглов С. И. 2001.** *Денежное обращение Танаиса, III в. до н. э. – V в. н. э.: дис. ... канд. ист. наук.* М.
- Безуглов С. И. 2010.** Позднесарматская культура и Нижний Дон. *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)* / Отв. ред. А. С. Скрипкин, с. 93–116. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Болтрик Ю. В. 2013.** Территориальные центры Скифии. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова* / Отв. ред. А.Н. Коваленко, с. 193–202. Ростов н/Д.
- Васютин С. А. 2003.** Признаки властной иерархии ранних кочевников в археологических культурах аридной зоны Евразии эпохи РЖВ. *Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье)*, с. 70–74. Кемерово.
- Васютин С. А., Дашковский П. К. 2009.** *Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования).* Барнаул: Алт. ун-т.
- Вдовченков Е. В. 2011.** Алалия I – первой половины II в. н. э. — вождество, кочевая империя, раннее государство? *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): материалы конференции* / Отв. ред. Е. А. Мельникова, с. 26–31. М.: Ин-т всеобщей истории РАН.
- Вдовченков Е. В. 2016.** Потестарная организация сарматского общества. *Ранние формы потестарной организации*, с. 107–129. СПб.: СПбНЦ РАН, АНО «КИО».
- Вдовченков Е. В., Кулешов Вяч. С. 2019.** Сарматское племя как потестарный институт. *Stratum plus* 4: 389–400.
- Виноградов Ю. Г. 1989.** *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование.* М.: Наука.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. 1991.** Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории. *СА* 1: 145–155.
- Гаврилюк Н. А. 1989.** *Домашнее производство и быт степных скифов.* Киев: Наукова думка.
- Глебов В. П. 2007.** Специфика становления раннесарматской культуры на Дону. *Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов.* Вып. II / Ред. И. В. Сергацков, с. 59–82. Волгоград: ВГУ.
- Горелик М. В. 1993.** *Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.).* М.: Вост. лит-ра.
- Граков Б. Н. 1954.** Каменское городище на Днепре. *Материалы и исследования по археологии СССР* 36. М.: Изд-во АН СССР.
- Грантовский Э. А. 1980.** Проблемы изучения общественного строя скифов. *ВДИ* 4: 128–154.
- Грантовский Э. А. 2007.** Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит-ра.
- Гречко Д. С. 2012.** К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями.* № 2, с. 350–358. СПб.

- Гринин Л. Е. 2012. Ранние государства и аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем*, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гутнов Ф. Х. 2001. *Ранние аланы: Проблемы этносоциальной истории*. Владикавказ.
- Демкин В. Н., Демкина Т. С. 1999. О чем могут поведать степные курганы? *Донская археология* 1: 24–34.
- Демкин В. А. и др. 2012. *Природная среда волго-уральских степей в савроматосарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Пушцино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. *Скифия VII–IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Каллистов Д. П. 1969. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее. *ВДИ* 1: 124–130.
- Карышковский П. О. 1988. *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху*. Киев: Наукова думка.
- Крадин Н. Н. 1989. Кочевая империя как социополитическая система. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*: тезисы всесоюзной археолог. конф., с. 19–23. Ч. I. Кемерово: КемГУ.
- Крадин Н. Н. 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н. Н. 1995. Вожество: современное состояние и проблемы изучения. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*, с. 11–61. М.: Вост. лит-ра.
- Крадин Н. Н. 2002. *Империя Хунну*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос.
- Крадин Н. Н. 2004. Комплексные общества nomadov в кросс-культурной перспективе. *Монгольская империя и кочевой мир* / Ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова, с. 20–49. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Крадин Н. Н. 2015. Понятие племени в современной антропологии. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2: 4–12.
- Кулланда С. В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского.
- Малашев В. Ю. 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время. *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)* / Ред. А. С. Скрипкин, с. 117–142. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Малашев В. Ю. 2014. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии* 234: 72–83.
- Медведев А. П. 1999. *Исследования по археологии и этногеографии лесостепной Скифии*. Воронеж: ВГУ.
- Медведев А. П. 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа). *Кочевая альтернатива социальной эволюции*, с. 98–111. М.: Ин-т Африки РАН.
- Медведев А. П. 2010. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры. *Нижеволжский археологический вестник* 10: 140–146.
- Мозолевский Б. М. 1979. *Товста Могила*. Киев.
- Мурзин В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Видавець Олег Філюк.

- Петров М. А. 2016.** *Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та.
- Ольговский С. Я. 1987.** Социально-экономическая роль Каменского городища. *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Перевалов С. М. 2014.** Аланы: мираж кочевой империи. *Вестник Владикавказского научного центра* 2: 2–9.
- Петров М. А. 2016.** *Проблемы социально-политической организации скифского общества в VI–IV вв. до н. э.* Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та.
- Раев Б. А. 2016.** Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии. Рецензия на статью: Яценко С. А. 2008. Донская Алания как кочевая империя. В кн.: Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3. Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН: 281–310. *Наука Юга России (Вестник Южного научного центра)* 12(3): 122–126.
- Синика В., Тельнов Н. 2014.** Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра. *Tyragetia, s.n.* VIII[XXIII] nr. 1: 287–316.
- Скрипкин А. С. 2014.** Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации). *Нижневожский археологический вестник* 14: 7–20.
- Скрипкин А. С. 2015.** О политической организации сарматов на рубеже эр. *Stratum plus* 4: 73–84.
- Ставиский Б. Я., Яценко С. А. 2002.** *Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия)*. М.: РГГУ.
- Хазанов А. М. 1971.** *Очерки военного дела сарматов*. М.: Наука.
- Хазанов А. М. 1975.** *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Хазанов А. М. 2002.** *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Олейник С. А., Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2007.** Особенности палеопочв курганных могильников, вовлеченных в современное землепользование (на примере курганов ранних алан на Северном Кавказе). *Почвоведение* 10: 1179–1189.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А. 2009.** Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия Алания. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа* / Ред. Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев, с. 309–323. М.: Таус.
- Халдеев В. В. 1987.** Сколько было сарматов? *СА* 3: 230–231.
- Черненко Е. В. 1981.** *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.
- Яценко С. А. 2001.** *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья*. М.: Вост. лит-ра.
- Яценко С. А. 2002.** Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах. *Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение*. Т. 5, с. 126–135. М.: Ин-т Африки РАН.
- Яценко С. А. 2006.** *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. М.: Вост. лит-ра.
- Яценко С. А. 2009.** Алания I–II вв. н. э. как кочевая империя. *Монгольская империя и кочевой мир* / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Кн. 3, с. 281–310. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Яценко С. А. 2015.** Группы элиты у сарматов. *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии* / Отв. ред. П. К. Дашковский, с. 86–98. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Яценко С. А. 2016.** Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I–II вв. н. э. *Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления* / Отв. ред. Е. Н. Носов, с. 147–156. СПб.: ИИМК РАН.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Social Evolution & History* 10(1): 276–335.
- Helfgott L. M. 1977.** Tribalism as a Socioeconomic Formation in Iranian History. *Iranian Studies* 10(1/2): 36–61.
- Lindner R. P. 1982.** What Was a Nomadic Tribe? *Comparative Studies in Society and History* 24(4): 689–711.
- Miller B. K. 2014.** Xiongnu “Kings” and the Political Order of the Steppe Empire. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 57(1): 1–43.
- Murdock G., Provost C. 1972.** Measurement of Cultural Complexity. *Ethnology* 12(4): 379–392.
- Salzman Ph. C. 2000.** Hierarchical Image and Reality: The Construction of a Tribal Chiefship. *Comparative Studies in Society and History* 42(1): 49–66.
- Service E. 1975.** *Origins of the State and Civilization*. New York: W. W. Norton & Company.